

воспитательной функции обряда стали уделять главное внимание в ущерб другим его функциям — экологической, адаптивной, нормативной. Отрыв новой обрядности на первых этапах развития от своей традиционной основы, утрата важных обрядообразующих принципов предопределили многие неудачи в ее развитии.

С конца 1970-х — начала 1980-х годов наметился резкий поворот к восстановлению роли народных традиций в современной обрядности. В одних случаях получила развитие регенерация старых обрядов, в других — их использование как основы для создания новых. Это положительно сказалось на жизнедеятельности современной празднично-обрядовой сферы. Однако пережитки прежнего негативного отношения к народному обрядовому опыту еще по-прежнему существуют.

К сожалению, в статьях справочника нельзя найти четкого ответа: чем вызвано неудовлетворительное состояние развития новой обрядности, в чем его суть. В статьях «Обряд социалистический», «Этапы формирования советской обрядности» развитие нового социального явления рассматривается как поступательное движение, характеризующееся постоянным совершенствованием. Единственный недостаток новой обрядности авторы видят в том, что «живое дело обрядовости нередко подменялось администрированием, ненужной регламентацией, погоней за количественными показателями» (с. 210). В этом объяснении недостатков в развитии новых обрядов чувствуется влияние привычных штампов, в результате чего жизненная реальность подменяется привычным и облегченным критическим приемом — во всем виноваты организаторы, формально относящиеся к своим обязанностям. Если бы проблемы и противоречия в развитии новой обрядности состояли только в неподготовленности их организаторов, то все трудности можно было бы легко устранить.

В прошлом такие формулировки казались естественными, но сейчас, в период общественной переоценки социальной действительности, требуется глубокий анализ реальных проблем общественной жизни, в том числе и характера развития новой обрядности.

В последние годы понятие «праздники и обряды» начали неоправданно расширять, включая в него различные торжественные акты, связанные с производственным или воспитательным процессом. Этот подход нашел отражение и в словаре. В нем мы встречаемся с терминами «Почин трудовой», «Вахта трудовая», «Урок мира», «Поход пионерский по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа» и др. Поиски новых форм пропаганды прогрессивных трудовых навыков, воспитательной работы полезны и имеют право на существование. Но, строго говоря, их нельзя относить к категории обычаев, обрядов или ритуалов, так как они отличаются как формой, так и характером функционирования. То же самое можно сказать и в отношении многочисленных тематических театрализованных действий, которые исполняются по специально написанным сценариям и которые также нередко необоснованно относят к новой обрядности.

В словаре дается терминология, относящаяся к праздничным и обрядовым действиям, их символам и атрибутам. Систематизация этих разнообразных данных требовала от автора четкого представления о том, что относится к сфере обрядности. Следует отметить, что такое издание предприятия впервые и это предопределило некоторые трудности в отборе терминов, их объеме и форме подачи.

Наряду с необходимыми и обязательными для справочника терминами об обрядовых атрибутах авторы включили в него и понятия, не имеющие прямого отношения к теме словаря. Вряд ли было необходимо давать объяснения таких терминов, как «Стадлон», «Плакат», «Ярмарка», «Орден СССР», «Почетные звания СССР», «Олимпийские игры», и др. В то же время следовало бы шире представить традиционную обрядность народов СССР и связанные с ней реалии. В словаре отсутствуют, например, ряд терминов, относящихся к восточнославянским обрядам (например, «Троица», «Кумовство», «Русальная неделя»), а также к некоторым известным праздникам и обрядам народов СССР. Этот раздел следовало бы расширить. Конечно, словарь советских традиций не должен превращаться в этнографический справочник. Принцип отбора терминов должен исходить из значимости тех или иных традиционных обрядов и их роли в настоящее время. Например, такие обряды, как «Троица», «Русалии», и сейчас бытуют на Украине и в Молдавии. Они же представляют собой незаменимый источник для создания новых ритуалов.

Сейчас, когда потребность в новых справочных изданиях велика, выход словаря-справочника — явление заметное. Он уже живет своей жизнью, к нему часто обращаются как научные сотрудники, так и организаторы новых обрядов. При всех издержках — это нужная книга, и хотелось бы пожелать авторам подготовить новое издание, с учетом потребности читателя в словаре, который даст полную информацию о таком сложном явлении, как современные праздники и обряды.

В. С. Зеленчук

© 1990 г.

Кавказский этнографический сборник. VII. Тбилиси. 1988. 176 с., илл.

Рецензируемый труд продолжает издающуюся в Тбилиси серию «Кавказских этнографических сборников» (КЭС), на страницах которых публикуются материалы, характеризующие различные стороны культуры и быта народов региона. Основателем серии является видный советский ученый, старейшина грузинских этнографов, член-корреспондент АН Грузинской ССР А. И. Робакидзе. 80-летию со дня его рождения посвящен VII выпуск КЭС.

Имя и деятельность Алексея Ивановича Робакидзе на протяжении вот уже более полувека неразрывно связаны с развитием грузинской этнографической мысли. Обладая разносторонними исследовательскими интересами, не убывающей с годами энергией и работоспособностью, он охватил

своими изысканиями многие сферы материальной и духовной культуры, социального строя народов Кавказа, интенсивно работает в области историографии, занимается общими проблемами этнографической науки. Велики его заслуги в деле организации этнографической работы в республике. Давно благодарности юбиляру является открывающий сборник очерк научной и научно-организационной деятельности А. И. Робакидзе, написанный М. В. Кантария с большим тактом и чувством глубокого уважения к старшему коллеге и руководителю.

М. В. Кантария считает, что «наиважнейшая заслуга» А. И. Робакидзе заключается в том, что он заложил основы кавказоведческой этнографии в Грузии. В настоящее время эта работа ведется в двух направлениях: с одной стороны, грузинские этнографы интенсивно изучают культуру и быт сопредельных народов Кавказа (преимущественно Северного), с другой — проводят исследования, — правда, менее последовательно и целенаправленно — негрузинского населения Грузии. Значительным направлением современной грузинской этнографии являются также исследования в области абхазоведения.

Общее представление о развитии кавказоведческих исследований в Грузии дает помещенный в рецензируемом сборнике библиографический указатель шести предшествующих томов КЭС. Седьмой его выпуск органически продолжает апробированную тематику.

Ряд помещенных в нем статей посвящен этнографии панкисских кистов. Кисты (кистины) являются потомками чеченских переселенцев на территорию Грузии в Панкисское ущелье по р. Алазани. Истории хозяйственного освоения ими нынешних мест обитания посвящена статья М. В. Кантария, в которой дается разносторонняя характеристика традиционного земледельческого быта кистов, применявшихся рациональных приемов природопользования, сложившейся в Панкиси практики земельных отношений на основе обычного права. Оказавшись в Панкиси, чеченские переселенцы вступили в этнокультурное взаимодействие с местным грузинским населением, заимствуя, в частности, его хозяйственные навыки, традиции виноградарства например. Жаль, что М. В. Кантария упоминает об этом лишь вскользь, не останавливаясь подробно на важнейшем этапе хозяйственного освоения кистами новой экологической ниши.

Статей «Этнорегиональные аспекты системы терминов родства кистов Панкиси» Н. В. Джавахадзе продолжает свои исследования систем родства народов Кавказа. Научное значение собранного Н. В. Джавахадзе материала несомненно. Она скрупулезно зафиксировала кистинские термины отношений кровного родства и свойства, зашифровала их по кодовой системе Ю. И. Левина, предприняла предварительную попытку историко-типологического анализа. Однако завершающие статью выводы вызывают некоторые вопросы. Так, Н. В. Джавахадзе констатирует, что система терминов родства кистов «основана на определенной форме социальной организации и стадийно выражает трансформацию общественно-экономических отношений» (с. 53). Этой, скажем прямо, весьма туманной фразой автор и ограничился. Но какая все-таки «форма социальной организации»? Что же она «стадийно выражает»? Автор почему-то не отвечает на эти вопросы.

Описание свадебной обрядности кистов дано в статье Л. Ш. Меликишвили. Статья по объему небольшая, но, несмотря на это, автору удалось проследить основные этапы данного обрядового комплекса. Наиболее подробно Л. Ш. Меликишвили осветила предсвадебный цикл, предложив, в частности, классификацию форм заключения брака, очень интересную, но далеко не безупречную. «Обручение в колыбели» автор считает самостоятельной формой заключения брака. Но на мой взгляд, это разновидность брака, которую Л. Ш. Меликишвили обозначила — «обручение деньгами». В первой его разновидности — согласие девушки, но несогласие родителей — это по существу умыкание уводом (по терминологии Я. С. Смирновой), во второй — согласие родителей, несогласие девушки — все тот же брак поговору. Статья сильно проигрывает от того, что нет точной хронологической привязки описываемого материала. В ряде случаев остается неясным, является ли тот или иной обрядовый элемент свадебного цикла кистов реконструкцией автора на основе опроса информаторов либо это реалии современного быта, зафиксированные непосредственно методом полевого наблюдения.

В статье «Один из видов площадей народного схода Горного Кавказа» ее автор Г. Д. Чиковани обратила внимание на своеобразие внешнего вида некоторых *ныхасов* — мест обычных сходов, зафиксированных в ряде осетинских селений кавказского высокогорья. Г. Д. Чиковани высказывает предположение, что эти площади являются наследием двалов — предшественников осетин на нынешней территории Центрального Горного Кавказа. Этническая принадлежность двалов до сих пор вызывает споры — в исторической литературе высказаны гипотезы об их осетинском, вайнахском, грузинском происхождении. Не склоняясь ни к одной из точек зрения, Г. Д. Чиковани на основе имеющихся источников попыталась воссоздать основные черты двальского общественного быта.

Абхазоведческая тематика представлена в сборнике статей С. И. Бахиа-Окруашвили «Основные черты семейного быта абхазов до революции», где рассмотрены формы семейной организации, некоторые моменты этикетно-поведенческих норм и распределения статусно-ролевых функций, имущественно-наследственных прав в традиционной абхазской семье. Последний аспект мне представляется наиболее ценным как по новизне собранного автором материала, так и по его интерпретации. Но выводы, полученные в результате разработки других вопросов, не столь убедительны. Так, трудно согласиться с определением традиционной абхазской семьи как «деспотической», даже с теми оговорками, которые приводит автор. При этом наличие «отдельных черт деспотизма» связывается с влиянием ислама. Это сильное преувеличение. Известно, что значительная часть абхазов исповедовала христианство, что уже не позволяет распространять мусульманский фактор на весь этнос. Но главное в том, что даже у исламизированных абхазов, воспринявших, кстати, новую религию поверхностно и неглубоко, предписанием шариата так и не превратились

в реально действующий соционормативный комплекс. Социальная регуляция, в том числе в сфере семейного быта, осуществлялась на основе обычных, адатных установлений. Хочется сказать и о другом. Совершенно непонятно, почему С. И. Бахиа-Окруашвили считает тенденциозным осуществленное в 1880-х годах масштабное исследование закавказского крестьянства, результаты которого обобщены в многотомном издании «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» (Тифлис, 1885—1887, т. I—VII. «Материалы...» содержат богатейший статистико-экономический и этнографический материал; в них можно найти ценные сведения по каждому уезду, селу, которые были подвергнуты обследованию. Это издание уже давно и прочно вошло в круг самых авторитетных источников по этнографии Закавказья¹. Возможно, что какие-то содержащиеся в нем положения сейчас можно корректировать, но обвинения в намеренной тенденциозности наши предшественники явно не заслужили.

В Грузии успешно развиваются курдоведческие исследования, представленные, в частности, работами Л. Б. Пашаевой. В рецензируемом сборнике она выступает со статьей «Религиозно-кастовые запреты у курдов Грузии в прошлом». Выходя за рамки заявленной темы, автор ведет речь не столько о езидах Грузии, сколько о курдах вообще. В статье даны сжатый очерк их политической истории и характеристика ряда сторон бытовой культуры. Вряд ли стоит за это упрекать. При скудости соотвествующей литературы материалы Л. Б. Пашаевой представляют немалый интерес. Касаясь брачных запретов езидов, тесно связанных с их религиозно-кастовым делением, Л. Б. Пашаева тщательно анализирует генезис, состав, статус различных каст, взаимные отношения их членов между собой и с представителями других каст. Кастово-теократическое деление езидов стало, по мнению Л. Б. Пашаевой, важным фактором их этнического обособления от остальной части курдского этноса.

Перу Л. Б. Пашаевой принадлежит и другая статья — «Письменные источники о семейном быте греков». Анализируя акты разделов имущества, датированные концом XIX — началом XX в., автор дает характеристику некоторых аспектов традиционного семейного быта греческого населения нынешнего Цалкского района Грузинской ССР.

Сборник завершает статья В. И. Шубитидзе «Газета „Дрозба“ об этнографии негрузинского населения Грузии». К сожалению, статья по краткости своей носящая скорее характер библиографической заметки, не смогла дать полного представления о ценнейших этнографических публикациях, которым посвящала свои страницы «Дрозба» — трибуна демократического крыла национально-освободительного движения Грузии 1860—1880-х годов. Однако статья В. И. Шубитидзе имеет важное значение в идейно-смысловом контексте рецензируемого сборника. Она ярко свидетельствует, что возникшее четверть века назад кавказоведческое направление современной грузинской этнографии создавалось не на пустом месте, а имеет благородные гуманистические традиции в истории грузинской общественной мысли. Для лучших ее представителей всегда был характерен живой и сострадательный интерес к судьбам и чаяниям негрузинского населения Грузии.

Кавказоведческие исследования грузинскими этнографами будут продолжены. В редакторском предисловии М. В. Кантария сообщает, что в ближайшее время выйдет очередной выпуск КЭС, посвященный абхазам и осетинам, проживающим в Грузии русским, армянам, курдам. Эта заявка вызывает удовлетворение. Вероятно, можно надеяться, что и в дальнейшем изучение негрузинского населения республики станет одним из приоритетных направлений грузинской этнографии. При этом крайне желательно обращение не только к традиционной культуре, но и к изучению современных этнокультурных процессов, выявлению реальных потребностей национального развития некоренных групп населения. Нет необходимости говорить, как это важно, особенно сегодня, в условиях резкого обострения межнациональных конфликтов в разных регионах страны, в частности в Грузии.

К сожалению, Грузия также не стала образцом национального мира. Апрельская трагедия в Тбилиси, напряженность в районах компактного расселения азербайджанцев, вспышка конфронтации в Абхазии — эти и другие печальные вехи ушедшего года со всей очевидностью показали, что накопившиеся проблемы в сфере межнациональных отношений достигли критической отметки. Они стали тормозом в социально-политическом развитии республики.

Минувшие события всколыхнули все грузинское общество. Межнациональные отношения, перспективы национального развития Грузии, национальные меньшинства на территории республики и возможные пути их интеграции в общегрузинскую жизнь — вот главные вопросы, на которые ищет ответа современная грузинская общественная мысль. Те же проблемы горячо обсуждаются в публичных выступлениях, в многочисленных публикациях на страницах газет и журналов. Искать подходы к новым решениям всегда трудно, особенно в сложных коллизиях столкновений национальных интересов. Ясно только одно — для этого нужен новый уровень мышления, основанного на подлинно демократических принципах, признающего за другими народами такие же права, какие декларируются для своего. Демократическое мышление допускает, что у каждого народа могут возникнуть проблемы национального развития и каждый народ имеет право заявить о них. При разрешении межэтнических конфликтов демократическое мышление выступает поборником диалога и разумного компромисса, отвергая как недостойный и бесперспективный путь тотальных обвинений и огульного отрицания.

Этнографы не должны оставаться в стороне от поисков путей гармонизации межнациональных отношений в республике. Более того, мне кажется, что именно этнографы, вооруженные профессиональными знаниями о культуре народов, об их прошлом и настоящем, глубоко осознавшие назревшие проблемы их социального и культурного развития, могут стать той демократической силой, которая обозначит в спектре современного общественного мнения новый взгляд на будущее

сообщество народов в пределах многонациональной Грузии. В нынешней ситуации веское, научно аргументированное слово этнографов нужно и для развенчивания опасных антинациональных мифов, получающих, к сожалению, распространение в массовом сознании грузинского населения, таких, например, как миф о происхождении абхазов, являющихся якобы поздними пришельцами на исконно грузинские земли, об отсутствии генетической связи между современными абхазами и древними автохтонами края.

Конечно, нужно немало личного мужества, чтобы противопоставить свою принципиальную позицию мнению большинства. Однако гуманистические традиции этнографической науки накладывают на ее служителей высокий нравственный императив, по которому любое профессиональное действие этнографа, любое его печатное или публичное слово должны идти во благо народов, а в трагические дни межнациональных распрей они должны быть нацелены прежде всего на умиротворение страстей, на прокладывание дороги ко взаимному пониманию. Только так этнографы смогут выполнить свой профессиональный и гражданский долг.

Ю. Д. Анчабадзе

Примечания

¹ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. М.; Л., 1962. III. С. 177—180; Волкова Н. Г. Материалы экономических обследований Кавказа 1880-х годов как этнографический источник // КЭС. М., 1984. VIII.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

© 1990 г.

И. Г. Косиков. Этнические процессы в Кампучии*. М., 1988, 230 с., илл.

Рецензируемая книга — исследование этнической ситуации в Кампучии, сложившейся после освобождения от колониальной зависимости — с 1953 г. до середины 1980-х годов — явилась итогом многолетних занятий автора проблемами этнического и культурного развития народов этой страны, уже нашедших частичное отражение в изданиях Института этнографии АН СССР и в книге «Кампучия» (М., 1982).

Этнографическое изучение Камбоджи в советской науке, начавшееся с публикации в 1958 г. статьи С. А. Арутюнова и С. И. Брука «Население Камбоджи» («Советская этнография», № 3) и издания в 1959 г. карты этнического состава населения Индокитая (составитель — С. И. Брук), а также с выходом в свет тома «Народы Юго-Восточной Азии» было продолжено рядом работ Я. В. Чеснова, Б. С. Пошерстника. Данные о демографической ситуации в стране содержатся в появившихся сравнительно недавно справочниках «Население мира» (автор — С. И. Брук, 1986), в работе А. Р. Вяткина «ЮВА: демографический анализ» (М., 1984) и др. Однако в этнодемографическом изучении Камбоджи до недавнего времени оставалось все же много пробелов.

Новый, обширный фактический материал, введенный в научный обиход И. Г. Косиковым, и его глубокий, многоаспектный анализ обеспечивают этой книге уникальное положение среди трудов советских ученых, посвященных исследованию современной Камбоджи. Успеху проведенного исследования в значительной степени способствовало то обстоятельство, что автору довелось в течение нескольких лет (1966—1968, 1970—1973 гг.) работать в Камбодже и собственными глазами наблюдать напряженное состояние межнациональных отношений.

Благодаря владению кхмерским языком он имел доступ к многочисленным местным публикациям по данному вопросу и пристально следил за деятельностью средств массовой информации, не только отражавших этническую ситуацию, но и в большой степени способствовавших ее формированию. Привлечение практически всей относящейся к проблематике научной литературы — отечественной и зарубежной — дало И. Г. Косикову возможность с завидной полнотой и точностью проанализировать этнические процессы в Камбодже. Чтобы показать условия, в которых протекали этнические процессы, автор разворачивает перед читателем панораму событий политической, социально-экономической и культурной жизни народов Камбоджи за 30-летний период после обретения независимости.

* С 30 апреля 1989 г. государство называется Камбоджа.